

Мас. 1055

Литературная хроника.

Пьесы г. Чехова.

I.

В литературе только и разговоров, что о г. Чехове. Писатель его положительно нестратить страницы журналов и газет. Даже тайные советники русской администрации и письменности вышли из своих кабинетов, где они глубокомысленно обсуждали вопрос о величии теории Маркса или о ничтожестве теории Маркса, и заговорили о «Мужиках» и их авторе. Отчасти это понятно. Во-первых, надо же о чем-нибудь говорить, а во-вторых, г. Чехов и его произведения — тема очень удобная для разговоров. Хотите, а мы современных русских писателей г. Чехов — похвалитесь выдающийся. И выдвигает он не столько даже своим талантом, сколько полной определенностью и отчетливостью своей «физиономии». Он может писать, писать годь какому угодно псевдонимом, сочинять, что ему заблагорассудится — драмы, водевили, романы, рассказы — безразлично: вы сейчас же узнаете его по особенностям стиля, а главное — по настроению и тону, всегда удивительно выдержанному. Собственно, так оно должно бы быть всегда и притом у каждого, но — подите, изъ этого и сь этих малейших недостатком «личности», индивидуальности приходится написать. Или кажется, что если г. Потапенко написать начало повести, г. Искренний прибавит сюда средину, г. Австрию украсит рассказ чем-нибудь по аниматорской части, а г. Бобрышкин одобрит все это духом самоповышей современности, то выйдет вещь действительно недурная и без всяких двусмысленностей. Так, в конце концов, они похотят друг на друга. У г. Чехова, действительно, есть личность, у большинства прочих просто псевдонимы или билеты на экзамен члена Союза писателей. А, ведь, в личности, в конце концов, — все дело. Будь талант даже не большим, но если у человека добавок к этому таланту есть характер, есть отчетливый взгляд на жизнь и определенный настрой, он непременно оставит после себя нечто хотя и не огромное, но непреходящее. Mon verre est petit, mais je bois de mon verre, — говорил про себя А. Мисе, и в существовании этого маленького верте и скрывалась тайна его успеха и влияния. Возьмите затѣм из современников г. Бальмонта и Мережковского. По силе, выразительности и блеску таланта последний несомненно выше, но в нем не видна личность, он, как говорится, без пути и сразу в трех шагах чего-нибудь. Оттого в нем все еще только призрачные, хотя, слава тебе Господи — писатель он тоже. Ахронто, 20, а те и вот 30, — между тем, г. Бальмонт, который и возмужал, и зачестно сидит гордо наверху, уже всё знает и понимает. А что такое пошла Мисе? Стоящий умирающего честного гражданина и только. Но зато стоит выражень так ясно, определенно, с такой полнотой и задушевностью, что Мисе обещаны и в литературе, и успех, особенно среди молодежи и женщин. Личность прежде всего, неважно быть талантом, изжить в жизни действительность. У г. Чехова есть личность и на-

строение. что-же удивительного, если мы так интересуемся, особенно в виду того, что у многих прочих вместо физиономий — сфера патла. Личность — это «я» человека, — что-же другое интересно в человеке?

Теперь посмотрим, как это «я» проявляется в пьесах г. Чехова. Предупреждаю только, что от оценки этих пьес с точки зрения сценичности и совершенно откладываем: это не мое дело, да и, вообще, кажется, по этой части он — слабобы.

II.

В «Сборнике» помещены семь пьес. Из них первая две: «Медведь» и «Предложение» — несценические водевили, под которыми слышно вместо А. Чехов можно было бы по старой памяти подписать А. Чехонте, затѣм идут три драмы — «Иванов», «Чайка», «Дядя Ваня», причем последняя является первый раз в печати, — наконец, драматический этюд, очень мило написанный на старую милую тему «Лебединая пьеса», и нечто из жизни «Листья», под названием «Трагизм повености».

По общему приговору театральные рецензенты, в Чехов мало драматического таланта. Его пьесы истами растауты, истами в них ведутся совершенно лишние разговоры (например, в «Дяде Ване» перед ртительными моментами пьесы есть какая-то газетная передовица насчет обезлесения и несомненной пользы рационального лесного хозяйства!) — вообще-же, в них слишком мало действия, а то действие, которое есть, происходит где-то на кулисах (например, в «Чайке»). Спорить с гг. театральными рецензентами у меня нет ни малейшей охоты, затѣм от себя, и то в самой общей форме, что пьесы Чехова отличаются не столько трагичностью, сколько мощью характеров: водчас чувствительное несчастный в любви комарь жужжит у тебя над ухом на протяжении двух-трех актов. Ей-ей случивато. Но это — ничего; все-же у Чехова есть идея, есть настроение.

Разумеется, я буду говорить лишь о трех больших драмах — «Иванов», «Чайка» и «Дядя Ваня». Мелочи я рисну оставить в стороне, так как, при всем своем желании выжать из них что-нибудь идейное, я не могу этого добиться, в чем и виноват.

Любимый тип Чехова — тип русского неудачника, который от восточно посто-релости и, надо отдать ему полную справедливость, варьируется большим настроением. Как некий комик, он выступает с «Шампанью» — ахоем, надъаванной, помпид-се, много шума. Иванов не только неудачник, он хуже того, дытит, который сидит и каждому готов расписать душу свою и разъяснить сь полной обстоятельностью, что он дошел до полного равнодушия, что в сердце у него — торричеллиева пустота, что он ничего и много не любит, а г. д. Иванов так много знает, что ни, по крайней мере, он знает задохливый, и хотя всё говорит, что он умный, а — простите — совершенно не умеет этому. Действительно умный человек не станет спешно говорить о своей тоске и своих страданиях; он скажет ути в себе, замалтит в своем мушке, быть может, даже уйдет в монастырь, в антикварную лавочку, в театральную, или, — по не станет другим мртить жизни. Иванов, правда, нестраданет, но уже по своему

гаче, люди — побряки. Но он уже надломлен. «Вообще, — говорит он, — жизнь я люблю, по вашей жизни угадаю, русскую, обывательскую терпять не могу и презираю ее всеми силами моей души». Людей он не любит — никого. «Некоторую нѣжность — продолжает он, — я чувствую только к вашей няньке — по старой памяти. Мужики — однообразны очень, не развиты, грязно живут, а с интеллигентней трудно ладить. Она утомляет». Ему 37 лет, он откровенно причисляет себя к неудачникам, «созданным средой», скукой утлая, и начинает пощипывать водку «не загусывая». Последняя попытка обновиться, овладеть любимой и любящей женщиной не удается ему. Теперь он — обреченный.

Войнацкий («Дада Ваши») тоже неудачник. Но к этой характеристике я могу прибавить лишь одно: это самоотверженная нѣжная натура, безъ самолюбия Треплева, но с его сердцем.

IV.

Таковы неудачники Чехова. Броня Иванов — все они простые элементарные люди, загубленные средой, неудачники любви, утратившие, — причесть, употребляя это выражение, советую припомнить наречение Герцена: вся Россия — один огромный утрат. По моему, они мало интересны, но когда берешь не одну пьесу, а прочтешь их все сразу, выискивается идея автора, с которой он носит и которая, очевидно, не дает ему покоя. Все его неудачники добрые, честные и умные, даже талантливые люди. Их губит жизнь. Кто сдается, кто застреливается, но во всяком случае, они так или иначе способны сходить со сцены. Вокруг них, этих прекрасных, несущих в себя задатки новой, лучшей жизни людей, толпятся бездушные, безсердечные эгоисты. Ты добиваешься счастья, тебе не постигается неудача. И посмотрите, как лучше человек, так же представлен г. Чеховым хуже живется и приходится ему. Его герои страдают прежде всего за самоотверженную нѣжность, как Треплев, как дада Ваши. И их участь настоящих мучеников.

Это причина и тяжелая точка артиста на жизнь. Чуть-бы мы им объяснили обилие неудачников — средой-ли, или вырождением, или другими причинами — от этого не легче. Неудачников масса и все они должны бы быть удачниками. Вот, что хочется сказать Чехову.

Есть-ли хоть один какой-нибудь луч в этом тьмонь, хоть одна радужная точка на этом черном фоне, хотя один цытонок на этом трауре. Да, есть... Я приведу последнюю страницу из «Дада Ваши» и вы поймете, не чей это.

Войнацкий (сосчитав на счетах в записной книжке). Итого... пятнадцать... двадцать пять...

(Соня садится и ни о чем).

Мирна (вздыхает). Ох, грехи наши... (Тедягин выходит из комнаты, садится у двери и тихонько настраивает гитару).

Войнацкий (Соня, проведя рукой по щеке). Далеко мое, как ты там? О, если-бы ты знала, как ты там!

Соня. Что-же делать, надо жить! (пауза). Им, дада Ваши, будет жить. Проживешь длинный, длинный ряд дней, долгих нечестных; будешь терпеливо сносить испытания, как вымучишь свою судьбу; будешь трудиться для других и теперь, и в старости, но

знай покой, и когда наступит наш час, мы покорно уйдем и там за гробом мы скажем, что мы страдали, что мы плакали, что нам было горько, и Богъ скажется над нами, и мы с тобою, дада, милый дада, увидим жизнь светлую, прекрасную, извини, мы обрадуемся и на теперешних наших несчастиях оглянемся с удивлением, с улыбкой — и отдохнем. Я влюблю, дада, и влюблю горько, страстно... (становится перед ним на козлы и кладет голову на его руку; утонченным голосом). Мы отдохнем! Мы отдохнем!

(Тедягин тихо играет на гитаре).

Соня. Мы отдохнем! Мы услышим ангелов, мы увидим все небо в алмазах, мы увидим, как все злое, все наши страдания потопнут в милосердии, которое познает собою весь мир, и наша жизнь станет тихой, нѣжной, сладкой, как эссенция. Я влюблю, влюблю... (вытирает слезы из уголков глаз). Бѣдный, бѣдный дада Ваши, ты плачешь... (слезы). Ты не знаешь в своей жизни радости, но погоди, дада Ваши, погоди... Мы отдохнем... (обнимает его). Мы отдохнем!

(Стучит створка).

(Тедягин тихо напевает; Мария Басильевна пишет на полях брошюры; Мирна выжмет слезу).

Соня. Мы отдохнем!

(Завязь медленно опускается).

— Вы сами видите, что развлекла драм, надежда на возрождение жизни, путь к этому возрождению указывается двукратно — гротеском и мизантропией. Только что потерявший свою личную жизнь, после того как оттолкнул ее от себя любимый ею человек. И в драмах Чехова это повторяется постоянно, так что становится обычным местом. Гибнут честные и хорошие, гибнут одинаково и в некой жизни, и ее глуми, продаются благие начинания, гибнут рыцари, вырубается лес, жальчают и пошлят люди, но остается одно — любящее женское сердце, вырывающееся из неволи жизни. В драме «Свадьба» Сама хочет пожертвовать собой и не допустить любимого человека до гибели и ей же принадлежит последнее слово любви, участия, надежды: в «Чайке» Анна просит своего оскорбителя — огромного негодяя и впрямую безотрадного — Тригорина — его преступление и говорит: «Убийца своей престо и влюбил. Я влюбил и ни в чем не боюсь». В «Дада Ваши» Соня провозгласит милосердие заканчивает драму, которая должна закончиться другим — убийством.

В идею обновления русской жизни через женщину ввела тогда-то Тургенев. Он первый внес ее в литературу и неутомимо проповедывал ее. По его складу пошел и Чехов. Я, грешный, тоже тогда-то влюбил в нее. Но то было... когда-то...

Во всяком случае — хороша или дурна пьеса Чехова, можно-ли их понимать или нет — в них, в пьесах, есть идея, есть настроение. Это богатейший идиом и богатейшее настроение — но, она и есть. Сильно думать, что женская самоотверженная любовь имеет власть над всем золотом и расцветает светлым воздухом. Это девичество, это голос усталого духа, это мысль обмученных годов. Но нет, истинный восемнадцатилетний Чехов.

Скриба.

С. А. Соловьев